

Страшный переворот совершился в августе

Двадцать лет назад перевернулась лодка, в которой плыл Александр Вампилов. Иногда нам кажется, что все мы в этой лодке.

«УТИНУЮ ОХОТУ» в те годы увидеть было практически нелезя, да и прочтеть затруднительно: ищи, поди, этот альманах «Ангара» № 6 за 1970 год. Играли ее тогда в, кажется, единственном театре — рижском, русской драмы, и играли, кстати, замечательно: inferнальный официант Дима, чучела уток...

Помню тонкое, как пороховой дымок, ощущение чеховского попадания в суть времени, помню тамошнего Зилова — современного Гамлета, Иванова, тяжко преодолевавшего жизнь в кафе «Незабудка» с похоронным венком на шее и ненужной любовью в сердце.

Александр Вампилов... О, это было имя: раскосый байкальский паренек, высокочивший ниоткуда, из самых недр прибрежий с котомкой. Сказавший России то, о чем угрюмые жители ее знали, да помалкивали. И тихо слушал эту мальчишескую не по годам и взрослому не по годам речь (талант, он вечно не ко времени) уютный зал прибалтийского театра, где тогда только и можно было играть трагедию из современной байкальской жизни...

«ЗИЛОВ. Если разобьются, жизнь в сущности проиграна...

ОФИЦИАНТ. Точно? Значит, будем соседями?»

ЗИЛОВ. Маяковского, тридцать семь...»

Ох, как же мы любили тогда находить в спектаклях и книгах такие вот зашифрованные намеки, какое острое наслаждение было отгадывать послания нам, умным мальчикам, которые тут же чего-то там понимали в результате нехитрых арифметических исчислений — 1937-й, поэту — 37, самоубийство... И радостно было чувствовать радость Вампилова, который, придумав этот номер дома, наверняка хлопал себя по коленкам и хвалил себя сукиным сыном: он же понимал, что его поймут!

«САЯПИН. Слушай, что это ты всех так называешь?»

ВЕРА. Как, алик?

САЯПИН. Да вот аликами. Все у тебя алики. Это как понимать?»

...Не знаю, поймут ли эти прежние радости всякие ясные глаза юноши — те, кто привык называть черное черным, и кому за это уже много раз ничего не было?

«ГАЛИНА. Что, неправда? Ну скажи, убил ты или что-нибудь хоть раз! Признаться! ну хотя бы маленькую, ну хоть вот такую (показывает на пальце) птичку?»

...А тут собрался покупать ружье. Сорок лет жил без ружья — нет, надо ружье. И сам же втихомолку думаю: на кой оно мне — и вдруг отчетливо так, до омерзения, понимаю: а на уток. На медведя — страшно, на кабана — пошло. А на уток — это понашему. Это вызывает реми-ниценции.

«ЗИЛОВ. Нет, бога не было, но напротив была церковь, поминишь?... Ну да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь...

ОФИЦИАНТ. Рубль шестьдесят.

ЗИЛОВ (достаёт деньги). Да. Я тебе должен три рубля...

ОФИЦИАНТ. Три двадцать, Витя».

ВАМПИЛОВА теперь меньше ставят — ушла та жизнь? А он все же не Чехов? Мне же кажется: его пьесам еще придет черед — как хорошим винам, хотя за пестротой кооперативных киосков мы, судя по всему, скоро позорно забудем вкус портвейна из «Незабудки». А вот зилевские вопросы — их не забудешь, их мы до смерти на себе потащим.

«ЗИЛОВ. Где ночь? Где ты ее видишь. Ночью должно быть темно... Где моя невеста? Где она? Верните ее!.. Мы обвенчаемся в планетарии...»

И вертится, и вертится над нами, некстати, фадеевское, разгромное, железное, вороненое: надо жить и исполнять свои обязанности...

«ЗИЛОВ. Дима?... Это Зиллов... Да... Извини, старик, я погодичился... Да, сейчас выхожу. Занавес».

Вампилов пожалел Зилова, оставил жить. Вот только штурм на Ангаре не отменишь: «Я это дело доведу до конца»...

«Утиную охоту» читал и вспоминал

В. МАМОНТОВ.

ВАМПИЛОВ: 20 лет спустя

Драматург Александр Вампилов утонул 17 августа 1972 года. В эту годовщину на месте гибели 34-летнего драматурга в поселке Листвянка установили камень-символ из белого мрамора. Аккуратная табличка у подножия извещает, что деньги для памятника выделил Иркутский биржевой союз.

...С утра два автобуса с гостями — писателями, артистами, журналистами — проследовали к Байкалу. Вечный Вампилов! Зилковы, Саяпины, Кушаки, Сарафановы ехали к своему автору. Отдельно, соблюдая дистанцию, поспешали

на иномарках Димы-официанты: пришло их время? Эскорт машин венчала милицмейская машина с мигалкой. Валентин Распутин предложил переждать эту кавалькаду, и некоторое время с обочины мы наблюдали постаревших героев вампиловских пьес...

На Листвянке звучали взволнованные речи. И писатели, и артисты клялись в любви к драматургу. Впрочем, каждый старался приблизить его к себе. Проникновенные слова говорил О. Табаков. (Увы, ни одной вампиловской пьесы в Иркутск его театр на гастроли не привез, но помнится табакоский Анчугин из «20 минут с ангелом»). Вспоминала брата сестра драматурга. Но не было жены и дочери. И как-то так вышло, что самые близкие из близких друзей остались в стороне. Потом всем предложили ехать в церковь, потом кататься на теплоходе и отобедать в ресторане. Все уехали, а камень-памятник остался. Кажется, ему было совсем одиноко на этом зеленом утесе. Было затишье после обеда: погода из «Утиной охоты»...

Н. САВЕЛЬЕВ.
(Наш корр.)

Иркутск.